

みんなのポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

Путевые заметки Хангайской экспедиции 1930 года

メタデータ	言語: rus 出版者: 公開日: 2018-02-19 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: А.Д., Симук ов メールアドレス: 所属:
URL	https://doi.org/10.15021/00008767

А. Симуков

Путевые заметки Хангайской экспедиции 1930 года

Выезд экспедиции состоялся 2-IX вечером. Первую ночь ночевали около Сонгина, на том самом месте, где стоял последний раз наш караван экспедиции П.К.Козлова в 1926 году. Кстати, число было то же самое. Затем я проехал ниже Сонгинской станции и остановился не доезжая Тургэн гола, в юрте. Тут, дожидаясь второй отставшей телеги, ночевал 3 ночи. Экспедиция, таким образом, началась не очень удачно. 6-IX мы наконец тронулись почти в полном составе дальше (рабочий Вася Марчук догнал на стоянке). Проехали около 25 верст и остановились не доезжая Баярту дугана.

Около Сонгина было много айлов (около 15). Радиус их кочевков - не свыше 10 км. Кочуют нормально 5-6 раз в году. Зимовки частью в зарослях ивняка на Толе (там есть загоны, навесы), частью по убурам окрестных гор. Зимующие в ивняке веснут там же, уйдя с убульчжона. Держатся там до начала лета, пока не появятся гнус. Потом перебираются на степь, где и оседают, ожидая конца сенокоса. Понемногу косят, беря сенокос с половины у станции. В хороший год трава остается. В засушливом 1928 году на зиму уходили к ноянь-уле (Арангату и т.д.). Приблизительный подсчет площади выпаса дает около 4 кв. км на хозяйство. В разговоре отзывались очень хорошо о гобийских кормах, говоря, что “у нас таких нет”. Скот - овцы, козы (у бедняков последних много), рогатый скот, много лошадей (пригоняли табун к реке). Тургэн гол стоял сухой. Несмотря на близость к Уланбатору типично худонское население. Топливо – ивняк.

Во время стоянки 6-IX разобрались в багаже, и я начал работу, взяв три укосных площадки. Напротив, за протокой, косили для Отдела снабжения МНКА. Действовала косилка и конные грабли.

8-IX утром я сделал небольшую экскурсию, а затем мы двинулись дальше. Ехали хорошо, днем немного передохнули, снова поехали и остановились уже в темноте, не доехав до Улхуин булуна км 10-15. За день проехали км 50. Покося на Толе кончаются примерно около Баярту дугана. Далее по широкой долине, здесь уже без ивовых зарослей, были

видны многочисленные юрты, паслись стада, табуны. Судя по тем юртам, в которые я заходил на стоянке, здесь радиус кочевков также весьма мал. Женщины не были ни разу уртоном ниже, в Наван-цэрэни хуриэ. По долине Толы и отчасти на верхней террасе - большие площади дерисуна. Степь же имеет тот же характер, что и раньше, т.е. ковыльный с кустами караганы. По дороге сарычи, видели волка. Аилы попадались и довольно далеко от реки, на террасе под горами левой стороны. Верблюдов мы видели лишь один табунок, недалеко от стоянки этого дня. Много лошадей, рогатого скота, овец. Коз, по-видимому, мало. Трава по долине была сильно потравлена. Характер тольских сенокосов близ Баярту дугана на месте обследования таков.

Над рекой незначительно возвышается первая терраса, собственно современная долина. Эта терраса и занимает максимальную площадь. На ней располагаются покосы. В большинстве здесь оптимальное увлажнение, максимальная густота и высота травянистого покрова. Илистая наносная почва, нетолстым слоем лежащая на речных песках и галечниках. Вскипания не обнаружено. Терраса изборождена руслами крупных и мелких протоков, а также понижениями, соответствующими старым протокам. Ивовые заросли сопровождают эти русла и понижения (главным образом), а также отдельными кустами заселяют некоторые лужайки. В травянистом покрове видную роль играет пырей, в некоторых местах лук. Довольно часто попадаются почти оголенные площади с галькой на поверхности. Пробы я не брал, но предполагаю здесь либо погребенный галькой ил, либо (вероятнее) старые галечные бугры, не занесенные впоследствии илом. Отдельные места, покрытые сверху почвой, также оголены. И тут я не брал пробы. Слабо намеченной второй террасой служат довольно редкие невысокие плоские гривки с недостаточным увлажнением. Здесь сейчас же появляется обильный ковыль, служащий их показателем. Супесчаная почва на том же речном песке и галечнике. Вскипания также не обнаружено. Третья терраса, определяющая древнюю долину, высока – не менее 8, а местами 10 метров. Увлажнение недостаточно. Показателем служат ковыль и карагана. Далее идут уже горные склоны, мною детально не осмотренные.

Ширина долины при определении на глаз – 5-8 км.

В зарослях, кроме ивняка, других древесных пород я не видел.

Из птиц наблюдались кряквы, чирки, филин <...>, одинокий турпан, бекасы и т.д.

Очень мало мелочи. Я видел стайку овсянок и еще каких-то птичек. Улетать им еще, пожалуй, рано. Вчера ночью около нас остановились аинчи из Арбай хэрэ, со знакомых мест к югу от Аргуин гола. На их

кочевьях дожди были хорошие, но не чрезмерные, как в Уланбаторе. В Гоби, говорили, было плоховато (Я спрашивал о хошунах Хан хугшин и Баян цзурихэ).

Дни стояли холодные, с неустойчивой погодой и обильной облачностью. Ночами при облаках было около нуля, при ясном небе – заморозки. Но дождя пока еще не было, кроме небольшого в Сонгине.

9-IX утром выехали дальше. Вскоре показался хуриэ Наван цэрэни, который мы миновали, оставив его в стороне. Отъехав еще километров пять, остановились на одной из проток. Дело было около полудня. Остановившись, я пошел на экскурсию, охотой. Отойдя довольно далеко, зашел в аил и занялся разговорами и кумысом. Под вечер вернулся, успев убить цаплю.

Утром 10-IX поехал в сумун, заехал в отделение первички, по дороге был в двух аилах.

Место изгиба Толы мною осмотрено бегло. Восточная часть – ровная, более бедная растительностью, часто сухая, главным образом глинистая поверхность с редкими оптимально или избыточно увлажненными понижениями, соответствующими весьма старым протокам. Западная часть богата водой в виде глубоких многоводных проток, питаемых ключами. Протоки эти извилисты и в значительной мере заболочены, особенно по краям, не всегда безопасны для переезда, ввиду вязкости и глубины. Безопасна открытая от берега до берега вода, где под илом обнаруживается песок. Старые протоки образуют цепи болотц, мокрых кочкарников и озерков. В остальном картина почти та же, что и в восточной части - почти оголенные галечники, затем кочкарники, мокрые и сухие, и более или менее ровная луговая поверхность. Недостаточно увлажненных, ровных, глинистых площадей мало. В обеих частях большие площади среднего увлажнения заняты дэрисуном, на корнях которого образовались бугры, гряды и вообще повышения. Таким образом, создается впечатление, что дэрисун заселяет бугры, в то время, как он сам является их созидателем. Повышения эти, главным образом, эолового происхождения – пыль и почвенные частицы, осевшие в зарослях + продукты разложения корней и стеблей дэрисуна.

Таким образом, мы имеем: 1) первичные речные отложения (песок и галька), подземный рельеф которых представляет собой, по-видимому, ряд возвышений, разделенных понижениями, соответствующими различного рода старым руслам (местами эти отложения почти выходят на поверхность); 2) понижения подземного рельефа заняты вторичными речными отложениями (глина и мелкий песок), прикрытыми богатым гумусом – почвенным слоем лугового типа. По этим же понижениям идут

современные русла проток, частью заболоченных, и более старые русла, образующие вышеупомянутые озерки, болотца и кочкарники; 3) современные слабые повышения большей частью заняты дэрисунными буграми эолового происхождения. Первичные отложения вскипания не дают, вторичные также. Бурное вскипание обнаружено в гумусном почвенном слое понижения и менее бурное – в значительной толще эоловых отложений и вторичных отложений под ними. Увлажнение поверхностного слоя очень пестро – от избыточного до недостаточного, но на небольшой глубине оно почти всегда избыточно.

Такова примерная почвенная схема окрестностей нашей стоянки в Улхуин булуне.

Опрос ряда лиц относительно кочевков выявил следующие положения.

Долинными пастбищами пользуются весьма усердно. Многие кочуют по долине весну, лето и осень, уходя с реки лишь на зиму в горы. Легкая возобновляемость луговой растительности, обуславливаемая оптимальным или избыточным увлажнением, дает возможность прокормить на сравнительно небольшой площади большое количество скота в течение 2/3 года. Некоторые (более зажиточные) айлы весной и осенью держатся на окраине степи (III-я самая старая терраса), над долиной, так как весной на степи зелень появляется на пригревах раньше (долина холоднее!), а осенью та же зелень, за исключением плодоносящих стеблей, сохраняется дольше, чем в долине. Пользуются речной водой, так как на степи близко колодцев и ключей нет вовсе. Отсутствие колодцев может быть как раз и вызывается близостью долины р. Толы, иначе говоря отсутствием крайней необходимости пользоваться степью летом, весной и осенью. Во всяком случае отвод сенокосов в долине сейчас почти невозможен, так как населению некуда деваться. Немногие удобные места в горах берегутся на зиму. Обнаружение возможности выкопать ряд колодцев в окружающей долину степи дало бы возможность уделить хотя бы часть долины под сенокосы и избавило бы долинские луга от беспощадного вытравливания, которому они сейчас подвергаются. Количество кочевков в год – 5-6, у богатых скотом больше – 7-9 (летом кочуют из-за скопления навоза). Радиус мал – 1-5 км по долине. На зиму, в силу сравнительной удаленности гор, укочевывают за 10-15 км. Иногда отсутствие корма заставляет кочевать и зимой. Сама долина зимой пуста совершенно – все в горах (в понижениях холоднее!). По-видимому, здесь убольжоны как бы почти закреплены за отдельными айлами. Во всяком случае один из собеседников говорил мне, что иногда приходится гнать из окрестностей убольжона случайную юрту или аинчинов, имея на это как бы неписанное право.

Сумунные границы мало соблюдаются. Река принимает всех. Пастбищ хватает, но особого избытка их по-видимому нет, так как зимой стараются использовать и безводные места, вроде Гэрельту хундэй, выгоняя туда главным образом конские табуны. Летом же споров из-за пастбищ не слышно. В засушливом 1928 году многие уходили зимовать далеко на север. Словом “шивэ” обозначают лишь метелки ковыля, в то время как самые листья называют “хилагана”. Шивэ летом и осенью в пищу почти не идет, так как острые семена ранят рот и даже желудок (у овец?). Зимой же его охотно едят верблюды и коровы. Весной весьма полезной травой для мелкого скота и лошадей считается полынка “аги” (*Artemisia frigida*), быстро возобновляющая силы, утраченные за зиму. Летом же овцы эту аги почти не едят (?). Весьма полезной считается весенняя смесь ветоши со свежей зеленью Верблюдов здесь почти нет. В этом году от эпизоотии дохли овцы и немного коровы, а о ветпомощи не было слышно совсем.

11-IX. Выбрались лишь в 11 часов. Дорога шла сначала еще по долине, где мы пересекли 1-2 протоки, а затем пошел пологий подъем по сухой степи на окраинный вал. Поднимались около часу, т.е. длина подъема – 6-7 км. В самом начале подъема дорога раздваивается. Левая, южная, идет на Бичигту - Ихэ тухум, а правая, наша, на Дольце гэгэни хуриэ. На подъеме злаковая степь с сильной примесью полыни (мелкой) и караганой. Почва песчанистая. К своему удивлению я отметил здесь несколько экземпляров ящериц рода *Phrynoscephalus*, очевидно заходящих сюда с юга. За перевалом пошел пологий спуск, потом, далее новый небольшой подъем и т.д. Мы ехали по высокой волнистой степи, рельеф которой составляют большие хундэй с боковыми логами и пологими увалами между ними. По обеим сторонам видны горы, более значительные на юге (Бичигту и т.д.). Вся эта степь поросла в этом году хорошей травой. Сплошь злаки – ковыль, хацзар, монгол убус и вострец. Караганы крупной нет.

Под вечер стали втягиваться в исток одной из хундэй (хундэй эти имеют сток в Толу). Видневшиеся впереди и по сторонам остроконечные сопки оказались гранитными останцами, сильно выветренными, превратившимися частично в типичные нагромождения матрацевидных отдельностей. Вероятно, это гранитное поле имеет связь с таковым между Тухумом и Мишик гуном, а также с Бичигту и Онгон хайрханом на Ю.-Ю.-З. дороге. В конце хундэй дорога поднимается к перевалу, идя вдоль небольшого оврага-ущельица. Километрах в двух далее, на дне этого оврага есть колодец Норболинг худуг, первая вода от Толы. Переход мы сделали очень большой и без передышки – не менее 45 км, а вероятнее – до 50. Вторая пара наших коней основательно устала.

Вечером я успел сходить в аил недалеко от колодца. Аил, в который зашел я, бедный, маленький, но аккуратный. Шабанганца и молодой парень – охотник. Кочуют круглый год около этого колодца, передвигаясь в разных направлениях. Корма хорошие и по качеству и по количеству. Место уютное, защищено от ветров, зимой тепло. Скота у этого аила мало, таким образом кормов хватает. Узнал несколько терминов. Так например – дэрис, название лишь плодоносящих стеблей, а самые листья называются шимильтэг. Имеются здесь тана, хацзар, шобун хуль; перекаати-поле называется хамхул. Есть аги, улан шарельча. Есть ковыль. По степи мы видели довольно редких тарбаганов (один лежал около норы -дохлый?) и стайку цэрэнов, голов в 5. Затем несколько сарычей и все. Жизни мало.

Где-то неподалеку, видимо, есть хрустальные копи: китайцы добывали хрусталь для казны. Дольцэ гэгэни хуриэ называется теперь иначе – Дэбсэг булагин хуриэ – так как гэгэн стал хара, отпустил волосы, курит папиросы и чуть ли не стал гэшунуом, т.е. членом общественной организации.

На Ульхе мы видели черных аистов, собравшихся в стаи, довольно много цапель, редких колпиц, крякв, чирков, гусей индийских и других, турпанов, поганок, пеганок, <...>, луней, сокола. Из мелочи - бекасы, черныши, <...>, песочники, галстучники, чибисы, турпанов очень мало. Летом их было гораздо больше. Кроме того отмечу серого журавля и орлана-белохвоста. Но вообще птицы было чрезвычайно мало, что довольно странно, по сравнению с 1926 годом. По протокам местами довольно оживленно. Торчали узкие силуэты цапель, разгуливали аисты. По вечерам долина оживлялась. Пролетали утки, гуси, летали цапли, то и дело слышен был их неприятный голос. Бекасы держались не только в болотах. Я неоднократно вспугивал их в сухих дэрэсунных кочках.

В одном из аилов на Ульхе я видел три сорта высушенных трав на лекарства: дэгдэ - голубой болотный цветок, лекарство от простуды. Хонилэн - вроде подорожника – тоже от простуды, как и башиг.

12/IX ночью пошел дождик, утром дождь, перешедший в крупу, а позже в хлипкий снег. Перерывы были незначительны. Барометр не подымался. Мы сидели на месте, без экскурсий, мерзли и ругались. Двигаться было почти невозможно. Степи Гэрэльту хундэй используются зимой. Мы сами видели ряд убуйчжонов в северных горах и холмах. Весной старого корма остается, в общем, мало. Таким образом, если отнять долину Толы, то пастбища почти наверное не хватит, не говоря уже об отсутствии воды. Неизвестно еще, можно ли до нее докопаться. Зимующие по хундэй летуют частью на Толе, частью в стороне Хутуль нура. Вообще говоря, степные корма значительно лучше долинных. По

долине кочуют ради обилия воды, ради возможности многим аилам селиться неподалеку, что доступно благодаря быстрой возобновляемости долинных кормов. Для скота же в долине плохо. Плохой корм, гнус, мокрый грунт – все это плохие условия. Скот легче заболевает, чем на сухой степи. Указания на якобы полезность болотно-лугового корма летом – отговорки (таково мнение опрошенного лица).

Годовой цикл кормов для **овец** следующий. **Весной** – аги (*Artemisia frigida*) помогает скоту быстро оправиться (хуль аморхан хунгун болху). Кроме овец аги полезна в этом же смысле козам и лошадям. Коровы и верблюды (?) ее не едят. Хучжир весной вреден безусловно, “пережигает нутро” слабому после зимы скоту. **Летом** баранов выгоняют на хучжир и особенно полезной им в это время считают хирис, красноватую мелкую солянковую траву на солончаках. От этой травы скот хорошо жиреет. **Осенью** – главной пищей являются вторичные осенние зеленые побеги злака монгол убус. **Зимой** в общем, овцы едят всякую “нарин убус”, без особого разбора, избегая лишь грубых трав.

Питание **коз** в общем то же. Весной козы особенно охотно идут на йергуй - *Pulsatilla*. Овцы во всякое время очень любят верхушки побегов чихир убус, что им и полезно. По-видимому к козам, как к менее прихотливым, скотоводы присматриваются меньше.

Крупный рогатый скот в степи питается главным образом хилаганой.

Весной и летом хорошо ест крапиву (халагай). Зимой в дело идет шивэ, но первое место все-таки за хилаганой. Охотно ест верхушки караганы. От болезней коровам полезно давать сваренные цоорганай напчу (ревень? лопух?). Вкус таны (*Allium polyrhizum*) передается в молоко.

Лошади весной охотно едят аги, в остальное время главным образом разную нарин убус. Особо полезен **хяг** (вострец).

13-IX. В этот день с утра была хорошая погода. На экскурсии я отметил в скалах несколько ильмов, буйлэс, карагану. Видел самку камчатского соловья. Много *Saxicola*, *Columba*, *Accentor fulvescens*, *вьюрки*, *Eremophila alpestris*, *Melanocorypha*, *Falco tinnunculus*, *Muscicapa*; у колодца *Motacilla alba* и желтая [плиска]. Снег по горам лежал до вечера.

Тронулись поздно. Перевал всего в 1 км от колодца. Подъем в общем пологий. Водораздел плоский. На нем те же гранитные останцы. Южнее был виден узкий и острый остаточный гребень красноватого цвета. Возможно, что это – пегматитовая жила. Очевидно именно здесь китайцы искали хрусталь. За перевалом Люнгин хутуль пошел спуск вдоль короткого ущельица в широкую хундэй. Заехав в аил, покатали дальше и незадолго перед закатом остановились на ключе около озер Хутуль нур.

Озерки эти расположены в центре обширной хундэй, окруженной со всех сторон горами. Народу было много. Вечер был отличный. Состав степи по дороге все тот же – ковыль, аги, хацзар и т.д. Около озер много дэриса, болотца, мелкие озерки. Птицы не очень много. Лебедь, индийский гусь, серый гусь, кроншнеп, турпан, крачка, хохотунья, чибис, чирок, кряква, бекас, кулик плавунчик, песочник, черныш, красноножка, табунок бульдюков (*Syrrhaptes paradoxus*).

Накануне под вечер я сходил пешком за перевал к аилам. Хотон в 6 юрт. Стояли на степи. Вода была довольно далеко. Бедные и богатые вместе. Это была осеновка - наморчжин. Опрошенная одна юрта кочует часто - раз 10 в году. Снова спрашивал о травах. Бараны зимой едят ботул. Хирис лучше для них осенью, хотя главная пища в это время – побеги монгол убус. Только осенью овцам же очень хорош яманай эбэр. Подтверждается плохое мнение о долинно-болотном корме (у рек живут ради воды). Плодоносящий стебель монгол убус называется йэрхук (*Agropyrum*).

14-IX. В этот день утром я съездил в хошунный тамаган, где пробыл довольно долго. Вернувшись оттуда и побыв немного дома, вечер провел в одном из аилов.

В тамагане спрашивал о многом. Районирование окончательно еще не проведено. О границах на месте почти ничего не знают. Идет закрепление сомонных границ. Данный район несомненно тяготеет к Уланбатору. Колхозная работа до сих пор проводилась слабо. Фактически колхозы существовали на бумаге, так как жили (и живут) врозь, собственного скота не обобществляли. Феодальный скот (250 лошадей и 60 верблюдов) - пасут в одном стаде, но толку от этого мало, так как пользы из этого скота никакой не извлекают. Даже грузов не возят, так как нет хомов. Ссуду не брали. Всего две артели (50 и 60 членов). Одна осталась севернее нашей дороги, другая имеется около Дольце гэгэна. Артели растут, намечены к открытию еще две. Состав – бедняцкий (не выше 50 хуби). За последнее время колхозами здесь занялись, видимо, вплотную. Слышны слова “онца ачжил”, “хампани ачжил” и т.д. В хошуне, кроме дарги, никого. Все в худоне, на работе. Дарга (Дагба) не здешний, из Халюгчин Боролзая. Там - тоже не местный, кажется, из Богда хана. Таким образом, и здесь смена. Старый дарга не служит. Заходил я в отделение первички (сама первичка в Мишик гуне). Более или менее все есть (мука, чай, дунза, далемба, спички, сахар). В лавке и складе чистенько, все в порядке, аккуратно, так же, как и в отделении на Толе. Не в пример гобийским, где я видел большей частью беспорядок (Шанхай и особенно сгоревшая Хояр улцзэйту, где был форменный ...). Значит можно. А раз можно, то и должно.

При хошуне же школа на 50 детей. Ребята только что собрались. Учителей два – по одному на 25 ребят. Один из них, 17-ти летний Батоцерен, селенгинский бурят, только что приехал сюда, окончив Оютан Соргоули. Одинок, на родине не был 5 лет, близких друзей нет. Тяжеленько придется ему на первой службе! Ему я сказал кое-что о краеведении. Показали мне красный уголок - большую для худона постройку с хорошей сценой, залом и задней комнатой. Рисунки животных (школьные), карты, плакаты и т.д. Все это производит очень хорошее впечатление. Пришлось объяснить некоторые рисунки, что было записано. Вообще расстались друзьями. Ребятишки в форме. В хошуне, между прочим, имеются старые карты приличной работы.

Хошунный дарга на мой вопрос о “перенаселении” Халюгчин боролзай, сообщил следующее: раньше очень многие из этого хошуна жили в окрестностях Уланбатора (богатые). В последнее время их отсюда выселили на родину, отчего и получилась большая плотность как населения, так и скота. Пастбищ не хватает, хотя долина Толы и принимает очень много. На зимовку многие выкочевывают за пределы своего хошуна на север в ноян улу и Цзун бурин, и на запад, в Хунцэл чжабчид. Доходят до Орхона и Хары. Всего в Халюгчин Боролзае 13 сомонов, а в Хунцэл чжабчиде – 5, несмотря на значительно бóльшую площадь.

Салбур хорошо снабжается из первички, сыры везет туда же, т.е. в Мишик-гун. Рационально ли это? До Мишик-гуна 60 верст - т.е. 120 верст лишних идут как товар, так и сырье. Ачан в 300 с лишним джинов стоит 3 тугр., иначе говоря около копейки джин, а туда и обратно – две. На пуд падает таким образом больше 50 копеек лишних накладных расходов. Сколько этих копеек наберется по Монголии? Здесь, на Хутуль нуре, мы купили коня за 60 [тугриков]. Нашли настоящего тележного, очень спокойного. Отсюда, из Ихэ тухума и других мест население ездит летом со скотом в Уланбатор, где продает молоко и кумыс. Некоторые кочуют в город чуть ли не со всем домом. Заработки хвалят, особенно идет кумыс, конечно, во время надомы. Хозяин проданного коня сообщил мне сказочку о чибисе, которого здесь называют цзон хуруг.

“Нигэ хухэн хуруг харюлчжи ябсан, нохой хошу цзурчжи идэчжи байсан. Гурил идэчжи байгад, тегэлэд ухсэн, энэ шобу тигэт тэрэ хухэни сунис байга има”.¹⁾

Бекаса здесь называют “хапталца”.

Термин “монгол убус”, как название определенной травы, здесь

1) “Одна девушка пасла ягнят и ела кашу из шиповника. Ела-ела, да и подавилась кашей. И эта птица – душа той девушки” (*перевод сост.*).

отрицают. Выдвигается название “ботул” (вероятно *Agropyrum*), что по-видимому, одно и то же. Про ботул говорят очень одобрительно, считая его полезным во всякое время и особенно ценя его поздние побеги. Прошлогодня низкая трава, сохранившаяся к весне или лету, очень ценится, так как дает к свежей зелени примесь сухого корма, при котором первая, видимо лучше переваривается. Эта старая трава называется барог.

Проверенные неоднократно сведения сводятся к следующему:

1. Аги (*Artemisia frigida*) - очень сильный корм, поднимающий скот весной очень быстро. 10-15 дней на мелкой аги уже достаточно. В дальнейшем ее почти, а может быть совсем, не едят. Коровы аги не едят, так как не могут захватить ее языком. Ради аги население кочует.
2. Хэрэс (по-видимому солянки) также очень сильный корм, богатый хучжиром. Идет ранней осенью, когда покраснеет. Зеленый почти вреден. Растет на солончаковых низинах. Ради него иногда также кочуют.
3. Хилагана – хороший корм, рано сохнувший. Шивэ же почти не едят, идет лишь во время цзуда.

Здесь терминология по цээрэнам такова: шюдлун цээрэ (по второму году) - цэнхэр он; по третьему и четвертому году - шорон хара; хуху хуцзу – старый и, очень старый, с побелевшими рогами - далгай цаган. Это все самцы. Самка на второй год называется цзусаг шарахчин.

* * *

Спрашивал о жеребцах. Здесь пробуют на бег и оценивают статьи. Кастрируют по третьему году, так что время высмотреть есть. Когда кололи барана для нас, то после варки внутренностей, хозяину предстояла тяжелая работа – разделить их по всем юртам хотона. Так делается в летнее время, когда убой барана – событие редкое. Аилов здесь собирается помногу вместе. Было три хотона по 6-7 юрт, а один до 15-ти. Баранов и, кажется, вообще весь скот гоняют вместе.

Наш ключ называется Бутлунгин булаг, по имени горки с обо около него. Мишиг гун теперь называется Норомтуин хуриэ или Сайхан баян сумуни хуриэ.

В одиннадцать часов двинулись дальше. Новый конь пошел коренником. В знакомом аиле остановка, кумыс. Аил уртонный. Пришла алба – оказались знакомые люди. С одним мы виделись в Гобийн Сангин далае, затем в Шанхай уле и теперь, совершенно неожиданно, встретились здесь. Быстро покатали затем по отличной дороге, миновали, оставив к северу Дольцэ гэгэн и стали подниматься по Убур чжиргаланту. Доехали до “ворот” и стали под ними, выше. Вечером я сходил в аил.

Плоская котловина Хутуль нура, высоко поднятая по сравнению с Тухумом, пологим спуском-равниной сливается с долиной Убур чжиргаланту, внезапно здесь расширяющейся. Первая как бы впадает в последнюю. Южные горы почти напротив тамагана сходят на нет. Северные уходят на С.-З., где видны гранитные или пегматитные большие скалы. Между этими горами и горами группы Бату хан (левобережные Убур чжиргаланту) есть проход плоской седловиной уводящей к северо-западу.

Правобережные горы еще долго сопровождают речку. Монастырь Дольцэ гэгэна я осматривал в бинокль. У него был довольно грустный вид. Старые постройки, давно не подновлявшиеся. Монастырек небольшой. Храмов 5, китайского стиля. Один (цогчин?) с крышей в виде четырехгранной пирамиды. По долине Чжиргаланту дорога не очень хороша – кочки, а далее, где дорога идет левобережной террасой – мысы, и довольно крутые. Состав степи по дороге оставался прежним. Покров хорош. Порядочно тарбаганов.

Вечером в аиле я узнал следующее. Хотон – 5 юрт. Почти все еще на летовке. Кочуют очень близко и все по Чжиргаланту. Зимовки в окрестных горах. Народ бедный. Радиус кочевков таким образом не свыше 10 км, и число их весьма невелико.

Аил, в который я зашел, входит в артель. Бедняк (не очень, впрочем, вернее малосильный) лама с шабаганцой и ребятишками. Ничего артельного, кроме полного сумбура в голове касательно всяких союзов, партий и прочего. Кое-что пришлось разъяснить. Интересен взгляд, что не надо идти вразрез со временем. Раз пришло время артелей – вали туда. Пришло время ламского оскудения – ничего не попишешь, так и должно быть. Непротивление, словом.

В другой юрте видел любопытную вещь. Висят аккуратным рядком желудки тарбаганов с содержимым. Их, оказывается, зимой дают скоту для поддержки. Считается очень хорошим средством.

На Хутул нуре попадались аилы, зимующие в одном-двух небольших переходах от летовки. Это – богатые.

Вечером в скалах “ворот” кричал сыч и лаял, как волк, дразня собак,

филин.

16-IX. Утром двинулись довольно поздно. Постепенно стали подниматься долиной Убур чжиргаланту. Проехав км 6, подъехали к малозаметному перевалу, а затем стали спускаться по Ара чжиргаланту. Проехав по последней около 12 км, стали неподалеку от аила. Характер Убур чжиргаланту не стоит разбирать, так как это полностью сделано Б.Б.Полыновым и Крашенинниковым. Подъем на дабан легкий, не труднее какого-нибудь бугорка. Ара чжиргаланту нам очень понравилась. Узкая долина, по левой стороне тянется гряда сыпучих песков, образующих настоящие барханы. Дорога идет по правому склону. По дну долины извивается речка и по болотистому лугу растет густая невысокая урема – ива с примесью березы и черемухи. Кустарник частью растет и по пескам. Все ярко расцвечено осенью. К югу возвышается довольно высокая гора (Дулан хайрхан), северный склон которой заросверху кустарником, а в вершинках распадков видны колки густого березняка. Корма стояли нетронутые (район убульчжонов). Был хороший день, настоящий сентябрьский, тихо, тепло, ясное бледное небо и яркая расцветка кустарников. Недалеко от перевала я стрелял по крупному волку, сильно ранил его, но волк все-таки ушел.

Через несколько верст горы расступились, долина расширилась. Впереди показались аилы и скот. Заросли сразу оборвались. Дальше пошел болотистый луг, испорченный по окраинам цахилдагом (ирис). Еще в кустах мы видели второго волка. По-видимому, их здесь очень много, что впоследствии подтвердили и местные жители. За расширением долины речка сделала изгиб влево, а мы поднялись на довольно высокий мыс, спускаться с которого пришлось по покрытому слабой растительностью сыпучему песку. За мысом долина речки, подошедшей снова слева, сильно сужена (0,5 км). Здесь мы и остановились.

В настоящее время в данном районе кочуют до 50 юрт. Таким образом на каждое хозяйство падает 3-4 км² пастбищ. Это Чжиргаланту сумун Хангай-хайрхан-ульского хошуна.

Зимует население по горам. Летует на речке, очень жалуясь на гнус, главное пристанище которого – по-видимому кусты.

Сейчас осенью они были также на речке. Корма вытравлены довольно основательно. Жалуются и на снега. По мнению населения район северного склона этого водораздела (Ара чжиргаланту, Олон нур, Сангин далай) вообще богат снегопадом, богаче более северного района Цэцэрлигского тракта. А в общем все это не мешает баранам основательно жиреть. Скот, вообще, был в прекрасном состоянии.

17-IX. Накануне я не работал ночью, основательно выспался, встал

довольно поздно и кроме двух-трех разговоров с заезжими, ограничился тем, что сходил в ближайший аил, где заснял стрижку баранов. Здесь ее производят в разное время, но всегда в намор дунду сар (среднем месяце осени). Хвоста не обстригают, так как он очень мерзнет зимой. После полудня собрались и тронулись дальше. Дорога шла все время правым берегом речки, сначала вдоль болота, затем поднялась на террасу и стала срезать угол, который делает здесь речная долина. Путь был труден, так как почва степи здесь песчана. В ложбинах дорога была разбита до глубокого песка. Поднимаясь все выше и выше над долиной мы пересекли две глубокие боковые долины (сухие) с большими наносами песка на дне, в виде заросших барханов.

Растительность по этим ложбинам довольно богата – заросли ивняка и ильмовник, главным образом молодой. Кое-где много буйлэса. Все это в осенней расцветке. Дорога через эти ложбины очень тяжела – глубокий песок. За ложбинами дорога поднялась на последний бугор и стала спускаться наискось к речке, повернувшей здесь почти на север. В самом повороте в Ара чжиргаланту впадает речка с юга (Харлин гол), берущая начало из Олон нура (по словам местных монголов). Низовья этой речки, видные с горы, сильно заболочены. Вверху видны юрты. На повороте и ниже в долине Ара чжиргаланту узкой полосой барханов снова появляются пески. Характер долины здесь и ниже меняется. Заболоченная полоса исчезает. Речка делается типично степной, с широкой сухой долиной. Ниже нашего пересечения в долине Ара чжиргаланту снова появляются пески. По правой стороне видны сначала две отдельные горки темного цвета (Шюлуту), а дальше выступает высокая и сильно изрезанная скалистая группа (Хогин хан), издали живо напоминавшая гобийские горы. Пересекши речку, здесь уже порядочную, мы стали уклоняться к западу, постепенно поднимаясь на сухие степные увалы.

Степь здесь с легкой песчанистой почвой, поросла караганой. Состав обычен – ковыль, хацзар, аги, ботул и т.д. Перевалив 3-4 увала мы стали спускаться к широкой болотистой долине второго левого притока р. Ара чжиргаланту (Убур хобур). Остановились уже после заката у первой воды – в 300 метрах от хорошего озера, на котором тут же вечером я промазал по уткам, а Вася убил болотную сову. Он же видел филина. На озере порядочно камыша. По краям долины было несколько юрт. Весь день продержался очень теплым. Проехали мы всего около 25 км, но коней, благодаря пескам, упарили сильно. Вечер был очень хорош. Я просидел за работой до часу ночи.

18-IX. Утром Вася убил на нашем озере лебедя. Я собрался ехать в сумун. Пока проискали коней (бывших поблизости), времени ушло много.

Доехав до Номоган сомона, я никого там не застал – все уехали на хошунный надом. Узнав, что последний близко, я решил съездить туда. Ехал по продолжению нашей же дороги, вдоль подножья Номогана. Проехав км 15 от майхана, я увидел в долине около западной оконечности Номогана пестрые майхана надомы. Везде шныряли верховые, суетился народ. Подъехав еще ближе я заметил около одной из юрт автомобиль. Оказалось, что на надом приехал Министр Скотоводства и Земледелия Чимит. Он был в этот момент на собрании. Остаток дня болтался по надому, снимал Чимита среди аратов, потом артистов, борцов. Ритуал борьбы интересен – выход борцов из майханов, расположенных поотдаль, раскачивающейся, танцующей походкой, с вытянутыми в стороны руками, затем позы перед схваткой, подзадоривание, секунданты со шляпами борцов в руках, подговаривающие и подшлепывающие – все это очень любопытно. Победивший подходит к “трибуне”, где стоит таз с борцаками, тут секундант надевает ему шапку, борцу насыпают пригоршню борцаков, из которых он один берет в рот, а остальные разбрасывает по сторонам. Затем он возвращается к себе в майхан. Некоторые схватки продолжаются долго. Так, последняя пара боролась около часу, потом спорили о результате около трибуны и боролись снова. Все это закончилось уже почти в темноте. Это был конец надомы. Артисты (не местные, а то ли из аймага, то ли из Уланбатора) были менее интересны и я на них смотрел мало. Толкался среди народа, усердно пил кумыс и снимал. Ночевал в юрте с артистами и Чимитом. Вечером еще был спектакль, который я посмотрел. Дело касалось Банчен Богдо. Эту живую агитку стоило записать.

Банчен Богдо (Агитка)

- Сцена I. Сидят Далай Лама и Банчен Богдо. Рассуждают о своем спасении. Далай Лама жмет в сторону англичан, а Банчен в сторону Китая и Японии. Кончается ссорой и Банчен Богдо уезжает в Китай.
- Сцена II. К Далай ламе приезжает англичанин, заранее рассуждающий о том, как он оплетет Далай ламу. Они заключают договор. Рад Далай Лама, рад и англичанин, считающий Тибет уже своим.
- Сцена III. К Чжан сюэ ляну приезжает японец, считающий Чжана своим слугой. Он говорит о гегемонии Японии в Азии, о необходимости прибрать к рукам Монголию, как Внутреннюю, так и Внешнюю. Как на средство он указывает на Банчен Богдо, едущего в Китай. Надо воспользоваться религией. Призывается Банчен Богдо и Мэрсэ, служащий мелкой сошкой – осведомителем.

Заключается общий договор, распределяется работа по овладению Монголией. В результате японец накидывает петлю на шею Чжану и Банченю (буквально) и управляя ими удаляется.

Сцена IV. Югодзар хутухту Йонцзон Хамбо и какой то ноян сговариваются бежать за границу для связи с Банченем, мечтая о восстановлении своей власти. Пишут прокламацию. Боятся пограничной стражи, но собираются и едут.

Сцена V. Погранотряд на ученьи. Командир говорит о необходимости строгой охраны границ. Мэрсэ, в качестве соглядата, рассматривает отряд издали. В это время через границу пытаются пробраться Югодзар хутухту и ноян. Их останавливает дозор и тащит в отряд. По выяснении личностей их отправляют в Уланбатор. Появляются Банчен, Чжан и японец, управляющий ими вождями и подгоняющий саблей, они пытаются пробраться в Монголию, но погранотряд их прогоняет.

Сцена VI. Приводят хутухту и нояна, представитель правительства читает приговор, который тут же приводится в исполнение – обоих расстреливают.

Это была очень современная и живая агитка, интересная тем, что выступали действительно существующие или существовавшие лица. Символами служили лишь англичанин и японец. Все же прочие – живые лица. Далай Лама, Банчен, Чжан сюэ лян, Мэрсэ, Югодзар и т.д.

Дело затянулось очень поздно – почти до 2-х часов ночи. *Публика смотрела очень внимательно и досидела до конца.*

Но особенно напряженно смотрели все-таки борьбу. Тут раздавались крики одобрения, нетерпения и т.д.

19-IX. Утро я провел в разговорах со служащими хошунного управления и уехал домой довольно поздно, дождавшись конца партсобрания.

Горы Номоган – отдельная небольшая группа, довольно ясно выраженная, типичная для степных возвышенностей. Более или менее округлые формы и местами каменистые выходы, изредка (особенно в западной части) принимающие характер скал (небольших). Ущелья, по-видимому, сухи, хотя к западу от небольшого дугана, стоящего высоко в полугоре убура восточной части гор, значительно ниже подножья гор и показываются два ключа.

20-IX. Утром довольно поздно я проехался вниз от стоянки к Тарни голу. Ночью шел дождь, по дальним горам лег небольшой снег. Осмотрев

местность и захав в два аила, я вернулся домой. Довольно поздно мы наконец собрались и поехали вверх по долине. Ехали быстро. Остановились на ключе не доезжая 2-х км до гор Эриэн.

21-IX утром я ходил на охоту. Видел козу и куропаток. С гребня Эриэн открывается далекий вид. На юго-западном горизонте – гольцы Хангая, которые были очень оснежены. Под ними синева лесов. Упираясь вершиной в облака встает Субурга хайрхан. Волнующая картина! Виден сниженный водораздел – восточное продолжение Хангайского. Он тоже был слегка оснежен.

Вернувшись я слазил еще на ближайшую гору, откуда сделал засечки и еще раз осмотрел местность по направлению к Убур хобуру. Затем мы тронулись дальше. Расспросив о дороге в Барун хуриэ, поехали на восток и, перевалив два перевала, спустились в широкую хундэй, сбегаящую на запад к Орхонам. Кони сдали, а потому пришлось остановиться в урочище Шара буриду.

Утром 22-IX мы тронулись дальше и часов в 11 добрались до Барун хуриэ.

Горы Эриэн ула представляют собою короткий кряж, с относительной высотой не менее 200-250 метров. Направление З.-С.-З – В.-Ю.-В. Северный склон чрезвычайно крут и прорезан короткими и весьма крутыми распадками. По распадкам колки леса: главным образом чахлый березняк, затем довольно хороший осинник, немного ильма и местами участки хорошего листвяка. В одном из восточных распадков листвяка много. Подниматься по этим распадкам весьма и весьма трудно по причине крутизны. Травяной покров в лесу и под лесом типичен. Скал почти нет. В лесу пусто. Птичьей мелкоты, кроме коньков, никакой. Гребень Эриэн имеет более или менее плоский характер, с увальной растительностью. Южные склоны значительно положе и длиннее северных. Туда спускаются длинные пологие мысы с распадками между ними. По этим распадкам обильные заросли кустарника и участки лиственничного леса. По склонам верхушек распадков прекрасные увальные сенокосы. Дно распадков чуть заболочено. Внизу вероятно кое-где выступает вода. Дальше на юго-запад видна плоская степная долина, за которой поднимается увенчанная скалистыми выходами гора с большим лиственничным лесом на северном склоне. Еще далее был виден безлесный, чуть оснеженный последним снегом невысокий водораздел (северный вариант Великого водораздела в этом месте). В лесных колках Эриэн держится в незначительном числе коза, изредка проходит, по указанию монгол, кабан. Из птиц мы видели лишь коньков, да стайку куропаток. В распадках северного склона воды нами не обнаружено. От холмов и гор, лежащих к С.-В. от Эриэн, кряж

этот отделен довольно крутым и гладким бэлем. Бэль этот образует три впадины в виде чаш, на дне которых появляются ключи. Восточная впадина образует головной участок степной долины среди холмов, с небольшим, по-видимому, прерывистым ключиком. Средняя впадина отделена от восточной очень пологой седловиной.

Два ключика соединяются и текут в русло-прорыв, разрезающее грядку к северу от бэля Эриэн. Долина, начинающаяся восточной впадиной, огибает эту гряду с востока. Русло-прорыв, имеющее характер сайра, открывается парой километров ниже в широкую степную хундэй, низовья которой и есть Убур хобур. В эту хундэй открывается и вышеупомянутая восточная падь (Сувэ). По обеим сторонам плоского дна хундэй идут пологие степные холмы и мысы, разделенные падями и распадками, открывающимися в хундэй. Кое-где есть небольшие ключики. Нам бросился в глаза род канавы, по которой тек ключ под холмами, над тальвегом хундэй. Сначала мы предположили наличие земледельческого арыка, но местное население уверяет, что вода была отведена для добычи тарбаганов на степи путем заливания нор. Ниже, невдалеке от нашей стоянки хундэй расширяется в котловину (собственно Убур хобур), местами сильно заболоченную, с дэрисуном, хирисом, кочкарниками и обильными выцветами хучжира. Местами озерки. Течет небольшой ключик. С севера к Убур хобуру непосредственно примыкают горы Номоган. Ключики из падей этих гор (см. выше) также стекают к Убур хобуру. Болота Убур хобура непосредственно примыкают к низине Тарни гола, продолжение той же Ара чжиргаланту. Тарни гол делает здесь луку к западу. Выше Убур хобура эта речка течет среди песчаных увалов, лишь частью задерненных. Правый берег Тарни гола сопровождается значительной, широкой грядой песков, тянущейся далеко вниз. По этой гряде кое-где растут хайлясы и кустарник. Далее идет старая степная терраса, на которой возвышаются упомянутые выше горки Шюлюту и, дальше, Хогин хан. Далее к востоку степь повышается, видны холмы, но горы имеются лишь в районе истока Ара чжиргаланту (Бату хан?).

По выходе из песчаного прохода, там где левобережная терраса Тарни гола заворачивает к западу и становится правобережной террасой Убур хобура, первая речка разливисто и мелко течет по песчаному ложу. Берега низкие, заливного характера, образуют вполне годный для сенокоса луг. Ниже я подробно не видел. Далее Тарни гол проходит мимо восточного конца Номогана и западного – Хогин хана и исчезает с глаз.

Гряда (довольно высокая), ограничивающая вышеописанную хундэй с С.-З, соединяется седловинами с Номоганом с одной стороны и г. Эриэн - с другой. Дорога ведет через Убур хобур к первой седловине и

переваливает ее. Далее начинается спуск в долину Гэцэгин хобур, имеющую сток на северо-восток.

Номоган упирается своим западным мысом в эту долину. Против этого мыса на Гэцэгин хобуре и происходил надом. Выше, насколько видно, эта долина расширяется, затем ее стискивают горы. Верховьями этой долины служит западная впадина бэля Эриэн, суживающаяся в долину с порядочным ключом Чжалба. Западная часть этой впадины выклинивается в долинку, идущую к узкой, но крутой водораздельной перемычке, водоразделу Хугшин орхона и Харухи. Долина Гэцэгин хобура имеет сток, по-видимому, в Харуху (по расспросам). Такова, в общих чертах, характеристика рельефа этого района. Относительно растительности частью сказано выше (Эриэн и Убур хобур). Растительность хундэй – типичная степь. Ковыль, хацзар, аги, ботул. Населения много. Около нас (Убур хобур) был хотон в 23 юрты. Немного дальше на Тарни голе три хотона – 10-12 юрт. Вокруг Убур хобура, не считая упомянутых, около 30 юрт, в 9-10 хотонах. Выше по хундэй, с боковыми распадками, насчитывалось до 40 юрт в 7 хотонах. Итого в районе этой орографической системы стояло свыше 100 юрт, то есть почти то же количество хозяйств. Примерный подсчет площади кочевок дал 350-400 кв. км. Выкидывая км 50, как неудобные (пески, горные вершины и т.д.), получим на хозяйство в среднем 3-3,5 кв. км годового выпаса, т.е. то же, что и в Ара чжиргаланту. Сравнивая хангайские условия (2-2,5 кв. км), можно заключить следующее: плотность населения в значительной степени зависит от характера пастбищ. В среднестепной полосе на хозяйство падает 3-4 кв. км годового выпаса. В лесостепной (Хангай) – 2-3 кв. км. Подлежит большому сомнению значительное увеличение скота на старой экстенсивной основе хозяйства.

Вышеупомянутый крутой перевал через водораздел Харуха – Орхон ведет к широкой хундэй, идущей в почти западном направлении. Тип ее обычен. Плоские размытые формы рельефа, степная растительность, группа озерков и обильное население. Юрты и скот видны были везде. К югу от этой хундэй возвышаются валообразные небольшие горы Бага эриэн. Дорога идет южным краем упомянутой хундэй и перевалив через холм спускается к Хугшин Орхону против Барун хуриэ. Чуть ниже хуриэ, отроги Бага эриэн и отроги расположенной между обоими Орхонами к С.-В. от хуриэ г. Шанха почти сходятся, и Хугшин орхон проходит через небольшие ворота. После этого речка течет мимо восточных отрогов г. Шанха и выходит на Эрдэни цзускую равнину. В эту же равнину выходит и вышеописанная хундэй, частью упирающаяся в Хугшин Орхон и восточные отроги г. Шанха.

Барун хуриэ таким образом расположен довольно удачно. Место

закрыто с запада, севера и востока. Выше хуриэ долина Хугшина довольно широка, далее она раздваивается и к Ю.-В. виден лесистый и скалистый массив (Дулан хайрхан?). С севера и северо-востока его огибает долина Сарин гола. С западной стороны массив этот ограничен другой речкой.

Вопрос с верховьями Хугшин орхона для меня все-таки неясен. Горы Бага эриэн безлесны. Гора Шанха облесена хорошо.

Выехав из Барун хуриэ довольно поздно 24-го, мы одолели несколько неудобных оврагов и по бэлю Шанха спустились на Эрдэни цзускую равнину. Миновав монастырь, мы проехали еще около 5 км и остановились близ Орхона, на краю зарослей. На следующий день 25-го я поехал в сумун, для чего мне пришлось пересечь равнину поперек. Сумун был расположен в хундэй с хучжирными озерами Цаган нур, падающей к равнине с Ю.-В. Договорившись о проводнике я тем же путем вернулся домой. Вскоре подъехал проводник и я уехал в разъезд. Заночевал на Хугшин Орхоне. Утром 26-го проехал вниз до Лунгин обо, пересек равнину в западном направлении и поздно в темноте вернулся домой. На следующий день (27-го) утром я проехал в Эрдэни цзу, потом в Цзугин сумэ, на закате вернулся домой, а на следующий день (28-IX) мы тронулись дальше.

Эрдэни цзуская равнина огорожена с юга г. Шанха, с запада левобережными лесистыми горами Орхона, а с востока пологими степными увалами, переходящими далее в степные же горы водораздела Орхон - Харуха. К северу долина открыта. По обеим сторонам ее текут р.р. Орхон и Хугшин Орхон. Первая река выходит на равнину из узкого ущелья и идет сначала под самими левобережными горами, имея слева крутые обрывы. Ниже река постепенно отходит к востоку, оставляя слева широкую закраину. Слева в нее впадают пади Бага Арцату, Ихэ Арцату, Баян гол. Ниже Баян гола с запада открывается широкая долина Цаган сумэин гола. Далеко на севере видны горы около Тамирин Улан хошу, прорыв далее на север и горы около Угэй нура. Справа в районе исследований, помимо нескольких сухих логов, в равнину открывается одна, уже упомянутая выше падь с озерами Цаган нур. Около ее широкого устья, ниже, в равнину вдается островок с горкой Лунгин обо. О воде Орхона говорить не приходится. Хугшин Орхон беден водой. Постоянно вода имеется около Барун хуриэ и немного ниже. Против начала равнины вода обычно уже исчезает и далее идет сухое русло, исчезающее в нижнем болоте. Кроме Хугшина имеется ключ, начинающийся в нижней части пади Цаган нур, близ Лунгин обо. Ключ этот течет под холмами правой стороны равнины, отделяя от них Лунгин обо. Мне не известно, теряется ли этот ключ ниже в болоте, или течет и дальше. Этой водой ограничивается

орошение Эрдэни цзуской равнины. Левобережные пади Орхона осенью внизу безводны (Баян гол?).

Ниже Лунгин обо начинается болото.

Выехав по Цэцэрлигской дороге, мы доехали на второй день до ур. Хуйсу, где нас застал большой снег. С большим трудом, пробиваясь через пургу, добрался я верхом до Цэцэрлига, куда мои телеги прибыли только через несколько дней. На этом и была закончена собственно полевая работа экспедиции, хотя я и сделал для ознакомления разъезд к Субурга хайрхану, а затем через Хан ундур и Хануй выехал в Ван хуриэ, откуда вернулся в Уланбатор.